

татель оставался только пассивным слушателем, диалогом собеседников. Этот диалог принесет в литературу особые, доверительные интонации, интимное «ты», особое слово — слово-обращение;² создаст особый тип мышления, трансформировавший структуру «неэпистолярных» жанров. В сферу подобных преобразований вовлечена проза А. Н. Радищева, занятого напряженными поисками формы с «острым ощущением собеседника, адресата».³ Направление этих экспериментов определено названием первого опубликованного произведения писателя — «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске, по долгу звания своего».

Рассматривая «Письмо к другу» как частное письмо С. Янову, А. И. Старцев отмечает интересный парадокс. Современники Радищева, которым просто невозможно отказать в «чувстве» письма, соотносили это произведение скорее с публицистикой, где эпистолярная форма — чистая условность, дань традиции и, может быть, моде,⁴ чем с собственно эпистолярной культурой своего времени. Противоречие тем более любопытное, что та самая всегда свойственная письму «домашняя семантика» (Ю. Тынянов), к которой оказались глухи Екатерина II и Шешковский,⁵ была «проявлена» почти двести лет спустя А. И. Старцевым, установившим адресата «Письма к другу». Разрешение «загадки» неизбежно связано с исследованием жанровой структуры «Письма к другу». При этом особую значимость приобретают не столько имеющиеся, сколько отсутствующие в нем «признаки действительно написанного частного письма»;⁶ несомненно, что в сознании современников писателя, не воспринимавших радищевский текст как факт реальной переписки, работало прежде всего негативное начало: отступления от привычной формы, несовпадения с ней.

Канонический тип письма, сложившийся в русской эпистолярной культуре к концу XVIII в., — мозаика, где «пестрота разных тем, пластов материала и стиля», их «беспорядок» и «неожиданное сталкивание»⁷ мотивированы открытой непреднамеренностью, свободой, незапрограммированностью разговора, «болтливостью небрежной, и ветреной, и нежной». Чистота видовых форм вообще не свойственна дружескому письму как жанру. Мозаичность,

² Термин, введенный М. М. Бахтиным для обозначения слова, вовлеченного в диалог, см.: *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, с. 318.

³ Там же, с. 275.

⁴ О форме письма и причинах ее своеобразной универсальности в XVIII в. см.: *Steinhausen G.* Geschichte des deutschen Briefes. Zur Kulturgeschichte des deutschen Volkes, Bd II. Berlin, 1891, S. 383—404.

⁵ «Сложись иначе, они постарались бы установить адресата письма, и он был бы, без сомнения, заподозрен в сообщничестве с Радищевым» (*Старцев А. И.* Друг Радищева. — В кн.: Старцев А. И. *Университетские годы Радищева* М., 1956, с. 176).

⁶ Там же.

⁷ *Степанов Н. Л.* Дружеское письмо начала XIX века. — В кн.: *Степанов Н. Л.* Поэты и прозаики. М., 1966, с. 76.